

## История одной жизни. Сергей Иосифович Карцевский

---

Ирина Ильинична Фужерон, почетный профессор Французского университета  
(Париж, Франция), i.fougeron@orange.fr

---

DOI: 10.31857/S013161170003982-9

---

**Е**сть люди странной и нелегкой судьбы. Одним из таких людей был и Сергей Иосифович Карцевский. Сегодня это известный языковед первой половины XX века, но в 20–50-е годы прошлого века его имя было известно лишь в самых узких лингвистических кругах.

С. И. Карцевский родился в Тобольске 9 сентября (28 августа) 1884 года. В 1903 году он получил диплом учителя и был направлен на работу в школу в село Нахрачи (сегодня поселок Кондинское), где проработал два года. Затем он переехал в Нижний Новгород, где работал в городской библиотеке, для которой даже создал первый книжный каталог. Чуть позднее С. И. Карцевский вступил в партию эсэров, а в 1906 году был арестован за революционную деятельность. Через год ему удалось бежать из тюрьмы, и он уезжает за границу, в Женеву, где поступает в университет и посещает лекции ведущих лингвистов того времени: Ф. де Соссюра, Ш. Балли, А. Сеше.

В эти годы параллельно с занятиями лингвистикой он пробует себя на литературном поприще. В 1910 году М. Горький публикует в журнале «Сборник товарищества “Знание”» его рассказ «Ямка».

В марте 1917 года Карцевский возвращается в Москву, где принимает участие в работе Московского лингвистического кружка. На мартовском заседании 1918 года он делает доклад, посвященный работе «Система русского глагола». В протоколе заседания сказано, что «доклад представляет из себя резюме некоторых глав работы докладчика на француз-

ском языке». «Система русского глагола» получает высокую оценку ведущих русских ученых — А. М. Пешковского, Н. Н. Дурново, Ф. И. Буслаева, Д. Н. Ушакова (который отметил, что это опыт истинно лингвистического изучения морфологии, и если не первый, то один из первых опытов статического изучения (изучения одного периода в жизни языка)). Доклад и его обсуждение — один из этапов работы Карцевского над докторской диссертацией, которую ему предстоит защищать в Женеве, так как в 1920 году Карцевский окончательно уезжает из Советского Союза.

При помощи французского лингвиста Антуана Мейе, с которым Карцевский познакомился на заседаниях Московского лингвистического кружка, он получает место преподавателя русского языка во Франции в Страсбурге. Карцевский внимательно следит за событиями в России. В 1921–1922 годах в русской парижской прессе опубликованы две его статьи об изменениях в русском языке под влиянием социально-политических событий начала века<sup>1</sup>.

В 1923 году Карцевский переезжает в Прагу. Его научная работа неотделима от преподавания. Издательское дело было также одним из занятий Карцевского. В Праге он организовал выпуск журнала «Русская школа за рубежом», где публиковал на русском языке статьи как методологического, так и лингвистического плана, рецензии на эти статьи, на учебники по языку. Как он писал Н. А. Рубакину<sup>2</sup>, подбор статей, их редактирование занимали много времени, но все, что было связано с преподаванием, стало для Карцевского крайне важно. Журнал просуществовал шесть лет и пользовался успехом в русских школах за рубежом.

В Праге Карцевский встречает Р. О. Якобсона, которого уже знал по Московскому кружку, знакомится с Н. С. Трубецким, с В. Матезиусом; по предложению последнего все четверо подписывают манифест, легший

<sup>1</sup> См. нашу публикацию: «Русская речь», 1999, № 2. С. 30–38.

<sup>2</sup> Н. А. Рубакин (1862–1946) — писатель, просветитель, известный библиограф, автор работ по библиопсихологии, науке об отношениях знатока книг с читающей публикой, о социальном и психологическом воздействии книги. Он родился в окрестностях Ораниенбаума. В 1875 г. его мать покупает на 200 рублей 600 книг и открывает библиотеку в Петербурге. Н. А. Рубакин расширяет эту библиотеку, пишет работу «Среди книг», а в 1895 г. публикует «Этюды о русской читающей публике».

В 1907 г. Рубакин, член партии эсеров, чтобы избежать ареста, покидает Россию как политический эмигрант. Перед отъездом передает свою библиотеку (30 000 томов) Петербургской лиге образования. С 1922 г. он живет в Лозанне, где основывает Международный институт библиопсихологии, открывает библиотеку и ведет активную деятельность по покупке, обмену, высылке книг во временное пользование. Благодаря этой деятельности у Рубакина возникают прочные связи со странами Европы, с Америкой и с Советским Союзом. Свою вторую библиотеку (100 000 томов) и архив Рубакин завещал Государственной библиотеке им. Ленина (где теперь существует богатый Рубакинский фонд).

Карцевский широко использует в своей преподавательской и научной работе возможность получать книги из библиотеки Рубакина. На этой почве между Карцевским и Рубакиным устанавливаются тесные, дружеские отношения.

в основу создания Пражского лингвистического кружка, идеи которого в значительной мере определили направление развития языкознания в XX веке.

В 1925 году в Праге выходит «Грамматика» Карцевского, которую сам автор в письме французскому лингвисту Шарлю Балли (от 7.08.1923) определяет «не столько как грамматику в обычном смысле этого слова, а скорее как вступление в изучение языка». В предисловии к этой работе А. М. Пешковский отмечает «глубокую продуманность содержания, доведенную до изящества строгость и цельность проводимой системы». Основные идеи «Грамматики» легли в основу «Повторительного курса русского языка», изданного в 1928 году в Москве. Цель его, по словам автора, во-первых, «познакомить с механизмом языка» и, во-вторых, показать, что язык «есть социальное установление». «Одной из особенностей книги, — пишет Карцевский в предисловии, — является то обстоятельство, что глава о звуках находится на самом конце: к изучению звуков переходят после изучения грамматики. <...> В изучении именно родного языка необходимо идти натуральным путем, т. е. от смысловых единиц к звукам, а не обратно... от лексики к семантике, потом к грамматике и, наконец, к физиологии» (т. е. к образованию звуков). Несмотря на то, что обе книги разошлись сразу, ни Карцевский, ни его советские коллеги не смогли добиться переиздания «Повторительного курса»: Карцевский — эмигрант...

Выходом «Повторительного курса» заканчивается первый (русский — он пишет в основном на русском языке) этап деятельности Карцевского. В 1927 году при Женевском университете Карцевский защищает докторскую диссертацию «Система русского глагола», которая в том же году выходит отдельной книгой. Во вводной главе Сергей Иосифович Карцевский излагает свои взгляды на язык как систему и раскрывает основные принципы лингвистического анализа.

После защиты Карцевский получает место приват-доцента в Университете Женевы и переезжает туда.

В Женеве Карцевский ведет занятия по русскому языку и по литературе. Жалование приват-доцента заставляет его постоянно искать зара-



С. И. Карцевский с семьей | Sergey I. Kartsevsky with family (Прага, 1930-е гг.) | (Prague, 1930s)

боток. Н. А. Рубакин помогает организовать для С. И. Карцевского в Лозанне цикл лекций о русских писателях.

Карцевский создает в Женеве школу переводчиков, для студентов которой пишет пособия по русскому языку. Он же является инициатором, создателем и первым вице-председателем Женевского лингвистического общества.

До конца жизни С. И. Карцевский остается привязан к России и ее культуре, возглавляет женевское отделение советских граждан за границей. В 1947 году Карцевский подает просьбу о выдаче ему визы для возвращения в Советский Союз. Его просьба осталась без ответа.

Умер Карцевский 7 ноября 1955 года.

Вот и вся на поверхности несложная биография этого человека. Имя его в советское время было вычеркнуто из официальной истории русской науки лишь потому, что он был эмигрант, а на западе не получило большого резонанса, так как свою научную работу он связал главным образом с анализом русского языка, а для выражения собственных идей выбрал французский, язык Пражского лингвистического кружка.

Опубликованное лингвистическое наследие Карцевского не велико: две монографии «Повторительный курс русского языка» и «Система русского глагола» и около 40 статей и критических отзывов. Но какому бы вопросу ни была посвящена та или иная статья, этот вопрос всегда рассматривается в свете общего языкознания. Лингвистическое наследие Сергея Иосифовича Карцевского главным образом представлено работами на русском и французском языках.

Карцевский — ученый, работавший как бы «по спирали»: затронув одну тему, он неоднократно возвращается к ней, всякий раз углубляя ее. Рассматривая язык как систему, Карцевский не оставляет в стороне ни одного из его разделов. Вопросы синтаксиса и интонации вызывали особый интерес ученого. Этим проблемам посвящены исследования Карцевского 30–40-х годов XX века (написанные на французском языке).

Новой публикации работ С. И. Карцевского помог случай. Однажды в языковедческой среде я услышала оброненную фразу о существовании архива Карцевского. Мне это имя стало известно с середины 70-х годов, когда, работая над докторской диссертацией, я прочитала статью «О фонологии фразы». Статья была так интересна, что захотелось побольше узнать об авторе и познакомиться с другими его работами. Это оказалось нелегкой задачей. После выхода в 1956 году сборника статей Карцевского, посвященного его памяти<sup>3</sup>, работы ученого не переиздавались. Ранее

<sup>3</sup> *Cahiers Ferdinand de Saussure*. Vol. XIV. Genève, 1956.

изданные работы находились в разных сборниках и очень редко фигурировали в каталогах. Понятно, что при таком положении дел известие об архиве вызвало живой интерес. Я узнала, что в 1957 году, следуя воле Карцевского, его сын и жена привезли его прах в Москву. Они передали в Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН часть архива Карцевского — рукописи на французском языке. Благодаря помощи Александра Михайловича Молдована, в то время директора, и Розалии Францевны Касаткиной, тогда заведующей фонетической лабораторией в Институте русского языка, я смогла ознакомиться с архивом. По окончании работы по систематизации архива стало ясно, что перед нами научная «Грамматика русского языка», написанная для французов. Это была, как сказал Р. О. Якобсон, «работа всей жизни» Карцевского. Он ее не закончил. Кроме того, в ряде мест не хватало страниц, как это часто бывает с архивными материалами. И все-таки это была великолепная находка. Здесь же находились рукописи нескольких неизданных статей и варианты уже опубликованных. Эти варианты иногда так отличались от изданного, что выглядели как отдельные статьи. На основе архивных материалов и давно изданных (и потому труднодоступных) статей было решено издать лингвистическое наследие Карцевского.

С 2000 по 2004 годы вышло четыре сборника работ Карцевского. Два вышли в Москве, в издательстве «Языки русской культуры»: С. И. Карцевский «Из лингвистического наследия» — работы, написанные по-русски, и «Из лингвистического наследия. II» — перевод работ, написанных по-французски. В Париже вышел сборник статей (с широким привлечением архивных материалов) «Inédits et introuvables» («Неизданное и труднодоступное»), а Парижским институтом славяноведения была переиздана книга «Система русского глагола» (с использованием архивных материалов).

Если ознакомление с архивом и издание книг принесли немалое удовлетворение, то один вопрос оставался без ответа: где же могут быть другие материалы ученого? В частности, написанные по-русски?

С 1927 года до конца жизни ученый жил в Женеве. Резонно было думать, что его архив остался там у семьи. В момент моей работы над архивом в Институте русского языка я неоднократно разговаривала по телефону с сыном Карцевского, Игорем Сергеевичем. Он прислал мне несколько фотографий и страницу рукописи отца, озаглавленную «Среди вогул». К сожалению, И. С. Карцевский прислал только эту страницу. Текст был написан по-русски аккуратным почерком Карцевского. Это подтверждало предположение о том, что материалы на русском языке находятся в Женеве.

В августе 2012 года стало известно о кончине И. С. Карцевского. Все оставшиеся документы и фотографии семья передала в Административный и персональный архив Женевского университета. В феврале

2015 года стало возможно ознакомиться с ним. Архив ученого показывает, что Карцевский был человек широкого кругозора. Он живо откликался на события своего времени. Так, приехав в Нахрачи, край вогул и остяков, он сразу заинтересовался социальным и экономическим положением местного населения. Результатом явилась находящаяся в архиве рукопись «Среди вогул». Это рассказ об отношениях вогул и остяков с русскими купцами. В начале девятисотых годов во время первого периода эмиграции, параллельно с лингвистическими исследованиями, Карцевский пробует себя и на литературном поприще. В архиве ученого удалось найти его литературные опыты. Большинство рассказов Карцевского носит биографически-мемуарный характер, они отражают ранний жизненный опыт автора: это и впечатления молодого учителя от первых дней его пребывания в незнакомом селе, от контакта с «хозяевами» («Село Туман»); и короткий эпизод из партийного прошлого автора; воспоминания о приезде в родные края; рождественская сказка, заметки корреспондента газеты о Финской войне. В 1910 и 1911 годах в России были опубликованы два его рассказа: «Ямкарка» (Горький напечатал его в своем сборнике «Знание» XXXI) и «Колька» (рассказ получил премию на литературном конкурсе газеты «Биржевые ведомости»). Эти ранние литературные опыты ученого-лингвиста вошли в изданную в 2018 году книгу «Из прошлого, из далекого»<sup>4</sup>.

Несомненный интерес представляют хранящиеся в архиве письма Карцевскому от других ученых-языковедов, в частности от Р. О. Якобсона и Н. С. Трубецкого, с которыми Карцевского связывали долгие годы дружбы и совместной работы. Эти письма проливают свет не только на научную жизнь того времени, но и на те заботы и трудности, которые приходилось преодолевать русским людям за рубежом. Сейчас в Институте русского языка им. В. В. Виноградова РАН готовится публикация этих писем.

Изучение наследия С. И. Карцевского ждет своего продолжения.

---

## Из прошлого, из далекого

(отрывок из книги)

Взяв удилице на плечо, а котелок для рыбы в правую руку, я наконец снялся со своего места и побрел прочь от озера, углубляясь в гущу тальника. Под ногами у меня змеилась тропинка, делая неожиданные извивы<sup>5</sup> то вправо, то влево. С обеих сторон обступали густые заросли тальника. Осторожно раздвигая ветви и отстраняя их от лица, я неторопливо продвигался вперед, то

---

<sup>4</sup> С. И. Карцевский. Из прошлого, из далекого. Москва, Ridero, 2018. 212 с. ISBN 978-5-4493-0465-0.

<sup>5</sup> Извив — изгиб, извилина.

и дело задевая концом удилица за деревья. Так я шел уже с полчаса. Солнце только что недавно зашло, и над моей головой небо перекрылось тонкой вечерней дымкой. Скоро сквозь нее проступят редкие бледные звезды и придет одна из тех последних летних ночей, которые так хороши в наших местах и которые я так любил когда-то. Ни души не встретилось мне на пути: было тихо, одиноко. Но я даже искал одиночества. С головой покрывал меня тальник,верху безмолвное расстиралось небо, под ногами в такт моим мыслям шуршал песок и потрескивали сухие ветви.

Несколько часов я провел над рекой, любуясь ее зеркалом, обрамленным камышами и отражением деревушки, перевернувшейся в воде вверх дном. Думал. Забыл даже размотать лесу... Поток воспоминаний нахлынул на меня, закружило мне голову, защемило сердце... Меня потянуло вдруг на старые места, куда когда-то полуробенком приходил я на рыбную ловлю.

Тропинка вдруг круто взяла влево, скакнула вниз раз и два, и я понял, что река близка. То был уже речной берег, смытый террасами и весной затопляемый разливом. Тальник стал редеть, засветлело, и я вышел на отлогую песчаную полосу, лежавшую вдоль реки.

Вверху небо, передо мной река, ближе уже темная, дальше к противоположному берегу же еще светлая — и между небом и водой, словно на воздухе, повис, протянувшись противоположный крутой берег. Посреди городка невысокая гора, отступившая круто от берега и ушедшая в глубину, горела розовым огнем, купола церквей горели золотом. А городок уже погружался в тень. Но я живо восстанавливал его в памяти. Он притулился у самой горы, частью всполз на нее; окутанный зеленью садов, осеняемый белыми церквями — он был очень живописным. То был робкий, мирный и тихий, никому неведомый и ненужный городок... Отсюда было далеко-далеко во все концы остального света.

И я долго ехал, чтобы повидать его и по железной пороге, и на пароходе, и на лошадях. Когда я был уже у городской окраины, я не утерпел, выскочил из тарантаса и прошелся пешком по пыльной дороге. Город не изменился. Те же собаки встречали меня разрозненным лаем. Я нашел те же тихие улицы, погруженные в тень от садов, деревянные мостовые, заглушающие шум шагов. Те же люди в чиновничьих фуражках, дворники на скамейках у ворот, те же торговки на базаре, тот же городской на мосту, старый, с семью собачеобразными бакенбардами.

По утру пришла Марья из Сузгуна<sup>6</sup>. Сколько я помню себя, она разносила по городу молоко, каждый день делая по семи верст в каждый конец. Она знала меня, когда я еще был пяти лет, знала и потом, когда я уезжал, узнала теперь. Время не изменило ее, — веселая, улыбающаяся, все та же, только будто выросла немного в землю да раздалась вширь.

Зимой городок заметало снегом, над ним выли вьюги, и ни души не показывалось на улицу; смолкали даже собаки, забиваясь в теплые углы. Все вымирало и вымерзало, как вымерзают тараканы в нетопленной избе. Вечер-

<sup>6</sup> Поселок, который теперь входит в состав Тобольска.

ние зори над застывшей, закутанной в белый саван рекой повисали тяжелой багряной завесой над городком. Я помню, еще ребенком боялся смотреть на них, столько в них было печали. Чувство заброшенности вызывали они.

Но приходило тепло, и городок, забытый и Богом и людьми, вновь пробуждался к жизни, потягивался, встряхивался, и, словно из щелей, выползали и люди, и собаки, и живучий городок растягивался на солнце. Живучий, готовый жить. Всё так же, и всё то же, словно я и не уезжал. Хороши были вечера за рекой. Над ее стеклянной поверхностью пелись песни всю ночь напролет. А мы сидели на берегу, рыбачили, смеялись, мечтали и пели. Хорошо пели, находились и песни, и голоса. Песни были печальные и просторные, а голоса молодые, жадно искавшие сильных нот.

Я сел на земле, сложил свое снаряжение возле и стал глядеть и думать. Воспоминания обступили меня со всех сторон, неслись от каждого места. Река текла темная, потянуло сыростью. И река, и гора, и трещина в горе, сверху до низу, как будто она рассклалась, и которую называли глубокий буерак, — и город, и каждая церковь — все так знакомо и так неизменно. Будто маленький я сегодня с утра забрался в кусты, побродил и вот вышел, все тот же, в гимназической фуражке, с удочками в руках. Воспоминания нашли на меня и сквозь меня: я не мог пошевелинуться, мне казалось, от неосторожного движения они рассеются, как туман. Не хотелось ни встать и уйти прочь от холодевшей реки, ни устраивать ночлег. Я медленно повернул голову и поглядел кругом. Это было то самое место, что мы любили больше всего, где больше всего собирались. Я узнал его по его положению против горы. Иначе я не нашел бы его. Все изменилось резко — тальник разросся в ивы, затянуло песком следы наших сооружений, и чьи-то новые следы пробороздили берег. Прошло долгих десять лет. Но уже вечер, пора в город, там ждут...

И я поймал сам себя — кто ждет? — Некому. Тут я понял, что в действительности многое изменилось. Прошло целых десять лет. Еще подъезжая к городу, я разузнавал о бывших сверстниках. О! Как все изменилось! Поженились, повыходили замуж, обзавелись семьями и детьми, носят форменные фуражки. Так же по зимам прячутся по домам, занесенным сугробами снега. Обрюзгли, потяжелели и стали скучными, серыми. Румянец юности поблек, глаза потускнели, свежие певучие голоса охрипли, души загубели, и ржавчиной покрыло совесть. Кто стал врачом, кто адвокатом, иные служили в палате, уехали, другие по акцизу, один продолжил мучное дело отца, один дослужился до тюремного смотрителя. И я ходил из дома в дом, смотрел жадно и за размывшимися чертами, в спрятавшихся между складок глазах, старался поймать прежнее милое и родное. Не хватило сил выдержать искус — обойти всех. Осталось немало домов, где я не побывал, но уже знал, что найду там те же кисейные занавески, герань на окнах и засиженные мухами мутные зеркала, и ничего больше. Вспомнились годы промчавшиеся, бурное время, перекатившееся войной по России, захватившее всех. А тут все осталось по-старому...

*С. И. Карцевский*